

ГРЯД

ДЕНИС СЫТИН

ПОМОЩЬ

ОСТАВ

ФЕЛЬДШЕР

МЕНШЕ

ПУЛЬС: СТАБИЛЕН
СЕТЬ: АКТИВНА

Денис СЫТИН

Град

«Автор»

2026

Сытин Д. Ю.

Град / Д. Ю. Сытин — «Автор», 2026

В этой войне победа никому не нужна. Нужен только бесконечный поток раненых. Макс — военный медик. Каждый день он зашивает, ампутирует и вытаскивает с того света наемников ЧВК. Но однажды он замечает страшную закономерность. Аномальный град всегда выпадает за 15 минут до удара дронов. А тех, кого еще можно спасти, клеймят кодом «Омега» и увозят в засекреченные бункеры. За фронтовым хаосом скрывается холодный расчет мегакорпорации. Солдаты здесь — не герои, а биоматериал для создания единого коллективного разума. И Макс — со своей эмпатией и руками, которые никогда не дрожат, — идеально подходит для того, чтобы стать главным звеном этой Сети. Он шел на войну лечить людей. Теперь ему придется вскрыть этот мир, как гнойник, — даже если для этого придется позволить Системе подключиться к его собственному мозгу.

© Сытин Д. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Денис Сытин

Град

Глава 1

Ночь стояла над городом хмарная, мокрая, с тем низким, свинцовым небом, какое бывает разве что в июльскую непогоду, когда лето вдруг вспоминает, что оно не вечное, и начинает выть по-осеннему. Град сыпал с этой выси не переставая — мелко, зло, как рассыпанный по жестяному подоконнику горох. Скорая «семнадцатая» тащилась по разбитой улице, переваливаясь с боку на бок, и в её кабине, тесной, пропахшей табаком и дешёвым растворимым кофе, сидели двое.

Макс откинулся на спинку, закрыв глаза. Не спал, так, слушал. Руки его, длинные, с цепкими пальцами, перебирали ампулы в укладке по памяти, на ощупь. Дело привычное: нашарил «анальгин» — стекло гладкое, прохладное, — покрутил, поставил на место. Следом «адреналин» — ампула поменьше, пузатая. Тоже лишняя пока.

— Девятый раз за неделю, — сказал вдруг Семёныч, не оборачиваясь. Голос у него был хриплый, прокуренный, но в нём сейчас звучало что-то другое, не ворчливое — тревожное. — Девятый, Макс. Я считаю. В июле. Какой, к чёрту, град в июле? У нас тут что климат спятил? Или это... я не знаю... химия какая?

Макс открыл глаза, скосил взгляд на профиль Семёныча: щёки обвислые, усы рыжеватые, на лбу испарина. Старый водила, а сколько лет за баранкой тридцать? Тридцать пять? Всю жизнь по этим разбитым дорогам, видел всякое. Но чтоб град в июле не видывал.

— Девятый так девятый. — Макс приложился к термосу, морщась от горечи. — Главное не десятый по голове.

Семёныч хмыкнул, басовито, без веселья, и покачал головой:

— Ты, Макс, шути, шути. Только я тебе говорю — неправильный это град. Он пахнет не так. И стучит не так. Слышишь? Ритм. Как будто метроном.

— Слышу только, как ты мне мозг выносишь. — Макс отвернулся к окну, приоткрытому на два пальца, и втянул дым. Сигарета тлела в руке, и голубоватый дымок вытягивало в щель, смешиваясь с сырой мутью снаружи. — Поехали, девятый так девятый.

А в голове уже засело: метроном. Стучит, как метроном.

Град внезапно редел, будто кто-то убавил звук, а потом и вовсе смолк — враз, без затишья, как ножом отрезало. Тишина ударила по ушам так, что звон пошёл. Семёныч покосился на небо в лобовое стекло: тучи висели низко, зеленоватые, злые, а меж ними — ни просвета, но и ни градины больше.

— Так не бывает, — выдохнул он. — Природа так не делает.

— А ты у природы спроси, — буркнул Макс, но сам поёжился. Что-то холодное, вязкое шевельнулось в груди, засосало под ложечкой. Не страх даже — предчувствие.

Сзади заворочалась, заскрипела сиденьем Валентина Петровна. Она всегда ездила молча, по-старушечьи подобрал под себя ноги, и только изредка поправляла очки на цепочке. Сейчас она встала, зашуршала фольгой, и в руку Макс уткнулся тёплый, пахнущий хлебом и колбасой свёрток.

— На, поешь. Опять небось один кофе с утра.

— Я не голоден.

— Я тебя не спрашиваю, голоден ты аль нет. Я тебе говорю — ешь. Тощий, как вешалка. Кому ты такой нужен будешь?

Макс взял бутерброд, не глядя, откусил. Хлеб мягкий, колбаса с перцем — как он любил. Она запомнила.

— Вам, видимо, — сказал он, жуя.

Валентина Петровна фыркнула — по-своему, без обиды, даже с теплом каким-то:

— Я на тебя уже три года смотрю. Ты не меняешься. Всё такой же колючий. Это хорошо. Значит, не сломают.

— Спасибо, — сказал Макс тихо, и она не ответила, только поправила на себе куртку, запахла плотнее.

У дома на Тополиной, 14, скорая замерла. Частный сектор здесь был старый, заросший чертополохом и крапивой, калитки покосившиеся, заборы горбатые. Макс вылез на мокрый асфальт, вдохнул — пахло прелой травой, собаками и ещё чем-то сладковатым, гнилостным, от чего сжималось горло.

Валентина Петровна выбралась следом, оправила халат, оглядела улицу.

— Ты чего? — спросила, заметив его взгляд, устремлённый в небо.

— Да нет. Просто смотрю.

— Не смотри. — Она подошла ближе, зашептала почти, по-свойски: — Небо теперь — не небо. Небо — крышка. Крышка гроба. Я тебе говорю — не смотри наверх.

— Вы сегодня философски настроены.

— Я всегда так настроена. Просто ты не слушаешь.

Она двинулась к калитке — прямая, сухая, как жердь. Макс пошёл за ней, поглядывая по сторонам. Вдоль забора лежали градины, ещё не растаявшие, и каждая — с ноготь, белая, с каким-то мутным налётом. Он нагнулся, взял одну — та обожгла пальцы холодом, быстро превратилась в воду, оставив на коже липкий след. Не то химия, не то просто показалось.

— Слышь, — сказал он Семёнычу, — ты блокнот не захватил? Запиши время, когда град кончился.

— А на что? — отозвался тот из кабины.

— На всякий случай. Записывай.

И тут, в тишине, которая стала вдруг ватной, давящей, он заметил точку.

В небе.

Растёт.

Времени не было. Тело сработало раньше мысли: он схватил Валентину Петровну за руку — она охнула — и рванул к забору, к щиту из горбыля, туда, где земля уходила вниз небольшой канавой. Сиганул сам, потянул её за собой, упал, накрыл собой.

Взрыв ударил — не звуком даже, а кулаком, тяжёлым, сдавившим грудную клетку, выбившим воздух из лёгких. В ушах зазвенело, высоко, непрерывно, будто кто-то провёл мокрым пальцем по краю хрустального бокала и забыл убрать руку.

Макс открыл глаза. Пыль. Неба не видно — одна пыль, мелкая, едкая. Под лопаткой саднило, в голове шумело.

Валентина Петровна лежала рядом, бледная, с открытым ртом, и на губах её вздулась, закипела алая пена.

Всё, что было потом, он делал на автомате — так, как учили, как делал сотни раз на учениях, в приёмном покое, в машине, на остановках. Нож разрезал одежду, пальцы нашарили рану в груди, меж ребёр, под ключицей — открытый пневмоторакс, пузырится воздух, кожа на шее вздулась. Игла Дюфо, вторая, среднеключичная линия, толчок — и воздух со свистом вышел, она выдохнула, выдохнула, как вынырнувший.

— Держись! — крикнул он, не слыша себя, но она смотрела на него уже ясно, уже понимающе. И улыбнулась.

— Макс... ты... бросил бы курить... лёгкие посадишь...

— Не говорите, не сейчас, — он торопливо накладывал повязку, не глядя, на ощупь, но руки уже не слушались, начинали дрожать, мелко, предательски.

— Не ври... ты никогда... не умел врать...

Она замолчала. Глаза остались открытыми, но в них погас тот самый последний свет, который он привык называть «окном». А потом и зрачки застыли.

Планшет на его поясе запищал — один раз, длинно, ровно. Асистолия.

Макс закрыл ей глаза, поправил очки на цепочке, снял перчатки — медленно, будто они были из хрупкого стекла. Встал. Вышел из машины на крыльцо БСМП. Сел на ступеньку.

Руки тряслись. Всё тело тряслось, крупно, неудержимо, а он сидел и смотрел на них, как на чужие.

Небо было чистым. Ни облачка. И где-то там, за этой чернотой, где должны были быть звёзды, слышался всё тот же гул — низкий, ровный, как биение огромного, скрытого во тьме сердца.

Девятый град кончился.

Макс вытер ладони о штаны, достал сигарету, прикурил с третьей спички. Вдохнул — дым обжёг горло, смешался с привкусом крови. Он знал: десятый град придёт. Обязательно придёт.

Оставалось только ждать. И считать.

Глава 2

Кладбище на окраине — маленькое, тесное, приткнувшееся к оврагу, где ветер гулял без оглядки и сухая полынь шелестела по могильным холмикам. Земля ещё не просохла после ночного дождя, чавкала под ногами, оседала на обшлагах пальто. Народу было немного — человек шесть, не больше. Коллеги со «скорой» стояли кучкой, курили, не глядя друг на друга. Завотделением, пожилой, с мятым воротником, мял в руках кепку. Семёныч держался поодаль, у старой берёзы, и смотрел в одну точку — туда, где свежая земля ещё не успела осесть.

Макс стоял у края могилы. Не плакал. Не молился. Просто смотрел, как лопаты входят в землю — глухо, маслянисто, как в мешок с мукой. Комья стучались о крышку гроба, и этот звук был неправильным, домашним, будто картошку в подвал ссыпают, а не человека хоронят.

Речь завотделением он слушал вполуха: «...отдала медицине тридцать два года... трагическая случайность... залётный дрон... мы скорбим...» Слово «случайность» ударило под дых, перехватило дыхание. Он сжал челюсти так, что занули зубы, и перестал дышать на секунду, потом выдохнул — шумно, сквозь стиснутые зубы.

Случайность.

Не верил.

Церемония кончилась. Люди потянулись к выходу, кто-то похлопал его по плечу, кто-то сказал «держись». Макс кивал, не слыша. Семёныч подошёл, когда почти все разошлись. Постоял рядом, помолчал — долго, тяжело. Потом заговорил — негромко, хрипло, будто слова сквозь вату продирались:

— Случайность, говорят. Залётный, говорят. А я тебе говорю — не залётный он был. Он точно шёл. На дом. Как будто знал.

Макс смотрел на свежий холмик. На венки — казённые, из жестких пластмассовых цветов. На фантик, который он сам положил на землю — тот самый, от бутерброда, мятый, с остатками фольги.

— Кого знал? Бабку с гипертонией?

— Я не знаю, кого. — Семёныч не обиделся, только голову ниже опустил. — Но он не плутал. Он прямо шёл. Я видел. Я тридцать лет за рулём — я вижу, когда прямо, а когда плутают.

Повисла пауза — густая, как смола. Ветер шевелил сухую траву на соседних могилах, гнал по асфальту обрывки газет.

— Я её тридцать лет знал, Макс. Тридцать. — Голос Семёныча сел, стал почти шёпотом. — Она меня из ямы вытащила, когда я пил после развода. Просто пришла и сказала: «Вставай, дурак. Кому ты такой нужен?» И я встал.

Макс повернулся к нему, посмотрел в красные, навывкате глаза.

— Она всем так говорила. Это был её метод.

— Метод. — Семёныч вытер лицо рукавом — не от слёз, от ветра. — А теперь кого? Кто теперь скажет?

Макс не ответил. Только положил руку на плечо Семёнычу — точно так же, как тогда, у БСМП, после её смерти. Жест уже становился привычным, почти родным.

Город жил своей жизнью. Макс шёл от кладбища пешком — не хотел ни в машину, ни в автобус, ни к себе в пустую квартиру. Хотелось двигаться, глотать воздух, не думать. Но думалось само.

Пробки, кофейни, смех. Девушка в ярком платье вела за руку малыша. Старушка с авоськой выходила из магазина. Мужчина в галстуке говорил по телефону и улыбался.

Контраст резал, как ножом по открытой ране. Они жили. А Валентины Петровны больше не было.

Он остановился у светящегося щита. Реклама — огромная, на полдома. Красивая женщина с кибернетической рукой. Рука светилась голубым, изящные линии, платина и лазурь, тонкая работа — не протез, украшение. Текст: «Обнови себя. Будь совершенным. «Панацея-Био» — протезы премиум-класса».

Макс смотрел на эту руку — и видел другую. Сухую, в морщинах, с набухшими венами. Которую держал, когда она умирала.

Внутренний голос зазвучал ровно, без надрыва:

«Вот он, протез. Который носят как сумочку. Как часы. А есть другой — который ставят, потому что без него сдохнешь. И есть третий — который ставят, потому что кто-то заплатил за твой орган. Я ещё не знаю, как он выглядит. Но я увижу».

В витрине напротив он разглядел своё отражение — осунувшееся, с тёмными кругами, в мятом пальто. Рядом с рекламой совершенного тела — сломанный человек.

Отвернулся.

И тут же увидел другую вывеску: скромную, без голубых огней, на сером здании. «ЧВК "Тиран". Твоя страна ждёт тебя. Контракт — полгода».

Забегаловка напротив вербовочного пункта была дешёвой — пластиковые столы, жирные пятна на скатертях, запах пережаренных котлет и дешёвого табака. Макс сидел у окна,

крутил в руках чашку с давно остывшим кофе. Кофе был растворимым, горьким, перестоявшим — как всегда. Он привык.

Смотрел на дверь вербпункта.

Ещё не зашёл. Не мог решиться. Или мог, но боялся — не смерти, нет, — боялся, что шаг этот окажется неправильным. Что Валентина Петровна с той стороны посмотрит и покачает головой.

За соседним столиком двое. Один — в штатском, но с военной выправкой: широкие плечи, короткая стрижка, пальцы в табачных мозолях. Второй — помоложе, в неброском костюме, с планшетом. Вербовщик. Пили пиво, говорили громко — чувствовали себя хозяевами жизни.

Макс прислушался.

— ...так ты говоришь, контракт на полгода? — Голос военного — густой, прокуренный. — Да кто ж полгода выживает?

Вербовщик откинулся на спинку стула, усмехнулся — по-деловому, беззлобно:

— Это маркетинг. Полгода — звучит терпимо. А потом продлевается автоматически. Они подписывают мелкий шрифт, а читать никто не читает. Тем более — медики. Им вообще мозги пудрить не надо. Они идут, потому что «нужны». Идеалисты.

Военный хмыкнул, коротко, горько:

— Идеалисты долго не живут.

— А нам долго и не надо. — Вербовщик допил пиво, поставил кружку. — Нам надо, чтобы они подписали. Дальше — не наша проблема. С медобразованием сейчас золото. Полевых хирургов отрывают с руками. Чем больше дырок, тем выше ставка.

Макс замер. Чашка застыла на полпути ко рту.

— А что с теми, кто возвращается? — спросил военный. — Которые контракт до конца?

Вербовщик пожал плечами, взял со стола салфетку, принялся рассеянно рвать на полоски.

— Никто не возвращается. Либо остаются, либо... — он запнулся, подбирая слово, — ну, ты понял. Система не любит свидетелей. А эти, с Ленты, они же видят. Они понимают. Зачем им возвращаться?

Макс поставил чашку. Кровь отхлынула от лица, к рукам прилила — ладони стали горячими, липкими. Он вытер их о штаны, встал.

Оставил деньги на столе — пятерку, не глядя.

Вышел на улицу. Холодный воздух ударил в лицо, отрезвил.

Пересёк дорогу. Открыл дверь вербовочного пункта.

Внутри было стерильно — белый свет, пластиковые стулья, тишина. На стенах — карты, плакаты с патриотическими лозунгами, портреты командующих. В углу — кулер с водой.

Трое ждущих. Молодой парень лет двадцати, прыщавый, в дешёвой ветровке — дёргал ногой, не мог усидеть на месте. Женщина с усталым лицом, в поношенной куртке, смотрела в стену. И ещё один — мужик под сорок, с нашивками за ранения, сидел неподвижно, как каменный.

Макс сел на свободный стул. Парень покосился на него, хотел что-то сказать — не решился.

Из кабинета вышел вербовщик. Тот самый — из кафе. Гладкий, с улыбкой, приклеенной как второй рот. Планшет под мышкой. Оглядел приёмную, заметил Макса, улыбка стала чуть шире:

— О, вы, я вижу, по делу? Проходите, не задерживайтесь. У нас сегодня поток.

Кабинет — стол, два стула, компьютер. На стене — карта Ленты с разноцветными зонами. Вербовщик листал его документы, кивал, что-то помечал в планшете. Макс сидел прямо, руки на коленях, смотрел на столешницу — царапанную, в чернильных пятнах.

— Фельдшер скорой помощи, БСМП, стаж семь лет... Отлично. — Вербовщик поднял глаза, улыбнулся по-деловому. — Просто отлично. Вы нам нужны, доктор. На Ленте каждый медик на вес золота. Буквально.

— Условия? — спросил Макс, не поднимая головы.

Вербовщик подался вперёд, положил локти на стол, заговорил вкрадчиво, перечисляя, как по списку:

— Контракт — полгода. Подъёмные — сразу на счёт. Полное медицинское обеспечение. В случае ранения — эвакуация в тыл, лучшие госпитали. Протезирование — бесплатно, новейшие модели.

Макс вспомнил рекламу «Панацеи-Био». Светящуюся руку.

— Протезирование. Это щедро.

Вербовщик не заметил сарказма, обрадовался:

— Мы ценим наших людей. Особенно — специалистов. Вы же понимаете: война — это не только потери. Это ещё и... обновление. Апгрейд, если хотите.

— Я не хочу апгрейд. Я хочу лечить.

Улыбка на секунду застыла, потом снова стала тёплой, профессиональной.

— Ну, лечить — это само собой. Без лечения какой апгрейд?

Он протянул Максу контракт. Толстую пачку бумаг — мелкий шрифт, герб ЧВК на первой странице, стилизованный зверь, не то волк, не то дракон.

Макс взял ручку.

И в этот момент начался град.

Град обрушился на крышу — дробно, часто, зло. Будто кто-то рассыпал над городом мешок гвоздей. Макс вздрогнул — рефлекс, который теперь, видно, останется навсегда.

Парень-новобранец подошёл к окну, посмотрел, зевнул. Вербовщик поправил галстук, продолжил:

— Итак, пункт четырнадцать, подпункт «б»...

Макс не слышал. Он смотрел в окно. Градины били по стеклу — мелкие, частые, ритмичные.

«Девятый был в ту ночь. Сейчас — десятый? Или всё тот же, растянутый на дни? Никто не считает, кроме Семёныча. Никто не замечает. А я теперь замечая. Я теперь всегда буду замечать».

Он опустил взгляд на контракт. На дату. На мелкий шрифт, который не читал.

Взял ручку.

Взрыв разнёс окна.

Стёкла брызнули внутрь — градом осколков, звенящих, острых. Кто-то закричал. Макс упал на пол — на автомате, натренированно. Руками закрыл голову. Пыль, гарь, запах горелого пластика.

Он встал. Уши заложило.

Парковка перед зданием — воронка. Дрон. Осколочный. Парень-новобранец лежал у окна, лицом вниз, и кровь растекалась по белому пластику пола — алая, густая, тёплая.

Макс уже бежал к нему. Рвал аптечку на поясе — всегда носил с собой, привычка со «скорой». Жгут, тампонада, прижать. Руки работали чётко — не дрожали.

Парень был молодой — светлые волосы, веснушки на носу, глаза полны ужаса и надежды.

— Маме... — шепнул он, и губы его задрожали. — Скажите... маме...

— Сам скажешь. — Макс давил на рану, чувствовал, как кровь пульсирует под пальцами, как вытекает, не останавливаясь. — Лежи. Не двигайся.

Парень умер через минуту. Осколок перебил бедренную артерию — пока Макс накладывал жгут, кровь уже ушла. Тело обмякло, обмякло сразу, как сдувшийся мешок. Глаза остались открытыми — голубые, с расширенными зрачками.

Макс держал его, смотрел в эти глаза, а руки были по локоть в крови. Коричневой, липкой, уже застывающей на коже.

— Твою мать, — выдохнул он одними губами. — Твою мать.

Вербовщик поднялся из-под стола, отряхнул пиджак. Лицо у него было белое, но голос — ровный, деловой.

— Досадный инцидент. Соболезную. — Он подошёл, заглянул в лицо Макса. — Но вы, я смотрю, не пострадали? Руки целы? Это хорошо. Это очень хорошо.

Макс медленно повернул голову. Посмотрел на вербовщика — на его чистый костюм, на галстук в полоску, на кровавое пятно на манжете, которого он сам, кажется, не заметил.

— Он сказал «маме», — произнёс Макс. Голос был чужой, хриплый, будто не его.

Вербовщик кивнул — деловито, сочувственно, как продавец в магазине, которому жалко покупателя, но надо закрывать кассу.

— Мы сообщим родственникам. Это предусмотрено контрактом. Он подписал пять минут назад. Так что — страховка, похороны за наш счёт. Всё как полагается.

Макс медленно, очень медленно, опустил тело парня на пол. Поправил ему ветровку — почему-то это показалось важным. Встал.

— Война, доктор. — Вербовщик встретил его взгляд, не отвёл глаза, только сглотнул. — Это война. Вы же понимаете. Так вы подписываете?

Макс посмотрел на контракт — он валялся на полу, забрызганный кровью. Кровь парня, который подписал пять минут назад. Кровь на пункте четырнадцать, подпункт «б», на мелком шрифте, который никто не читает.

Он нагнулся, взял ручку. Кровь на ручке — чужая. Или уже своя?

Подписал.

Кровавый отпечаток пальца остался на бумаге — яркий, чёткий, как приговор. Края расплывались.

Контракт выглядел как улика с места преступления.

— Поздравляю, доктор. — Вербовщик принял документ, держа за уголок, брезгливо. — Добро пожаловать в «Тиран». Транспорт через три дня. Явка — терминал «Д», сектор 7. Инструктаж на месте. Экипировку получите там же. Вопросы?

Макс вытер руки о штаны — механически, без мысли. Кровь уже засохла, коркой стягивала кожу.

— Один. Вы сказали — полное медицинское обеспечение. Это значит — протезы?

Вербовщик оживился, обрадовался деловому повороту:

— Абсолютно. Лучшие модели. «Панацея-Био» — наши партнёры. У них новейшие разработки. Вы, кстати, по профилю — медик с опытом — можете попасть в программу тестирования. Это престижно. И оплачивается отдельно.

Макс кивнул. Посмотрел в окно — разбитое, сквозное, за которым темнело вечернее небо.

— Я запомню.

Вербовщик улыбнулся, не поняв. Макс вышел на улицу.

Град кончился. Резко — как всегда. На асфальте таяли градины, оставляя мокрые пятна и белый налёт. Рядом с парковкой зияла воронка, пахло гарью и сырой землёй. Тело парня уже накрыли плащ-палаткой.

Мимо шли люди. Обходили воронку. Не останавливались.

Макс поднял голову к небу. Чистое. И тишина.

Он больше не ждал точки. Он знал: точка будет всегда. Вопрос только — когда она упадёт в следующий раз.

Два дня спустя.

Квартира Макса — съёмная, маленькая, с выцветшими обоями и запахом одиночества. На столе — книги по медицине. На холодильнике — магнит с видом моря. Фотография: Макс, Валентина Петровна, Семёныч и ещё пара коллег — старый Новый год, все смеются, Валентина Петровна в центре, с тортом, в руках — бокал с соком.

Макс сидел на кухне, ел бутерброд — такой же, как она ему давала. Сам сделал. Вкус был не тот — хлеб чёрствый, колбаса сухая. Он жевал, не чувствуя.

Запил холодным кофе из термоса.

Потом достал лист бумаги, ручку. Написал письмо матери — коротко, от руки.

«Мама, я уехал. Контракт на полгода. Это не опасно — я буду в медпункте, в тылу. Лечить. То же, что и здесь, только ближе. Не ищи. Я вернусь. Обязательно вернусь. Макс».

Лгал — и знал, что лжёт. Мать, наверное, тоже поймёт. Но так было надо — ритуал, мостик между тем, кем он был, и тем, кем становился.

Собрал вещмешок. Минимум личного: смена белья, фотография (снял с холодильника, вложил в конверт), термос, пачка сигарет, фонарик. Остальное — медицина: личный набор — иглы, зажимы, скальпель в кожаном чехле. Подарок Валентины Петровны на прошлый Новый год.

Взял в руки старый учебник по военно-полевой хирургии — потрёпанный, с закладками. Листал, пока не нашёл страницу с её пометкой: «Макс, здесь ошибка в дозировке — проверь по новому справочнику. В.П.»

Закрыв учебник. Положил в мешок.

В карман пальто сунул фантик от бутерброда — второй. Первый остался на могиле. Второй брал с собой.

Талисман.

Стоял в дверях квартиры, оглядывал комнату. Уже не свою. Чужую. Там, за этим порогом, оставался Макс Волошин — фельдшер скорой, любитель чёрного кофе и тишины, человек, который умел не дрожать.

А этот, новый, шагнул в темноту лестничной клетки, не оглядываясь.

На улице снова был град. Мелкий, редкий. Он не вздрогнул. Поднял воротник, закурил, пошёл к остановке.

Град стучал по асфальту — мелко, часто, ровно. Будто метроном. Будто отсчёт.

Макс шёл не оборачиваясь. Он больше не смотрел на небо. Он знал: точка вернётся. Обязательно. И когда она вернётся — он будет там, где падает. Не прятаться. Не ждать. Идти самому.

Терминал «Д», сектор 7.

Транспорт через два дня.

Десятый? Одиннадцатый? Он сбился со счёта.

Семёныч бы знал. Семёныч всегда считал.

Глава 3

БТР трясло — выворачивало, мотало из стороны в сторону, будто в лихорадке. Гусеницы чавкали по размокшей глине, мотор надсадно ревел, выплёвывая в сырой воздух клубы сизого выхлопа. Макс сидел в кузове, привалившись спиной к холодному бронелисту, и сжимал в одной руке термос, в другой — автомат. Автомат был чужим, тяжёлым, пахло от него смазкой и пороховой гарью, и Макс чувствовал себя с ним чужим — неуклюжим, ненастоящим. Инструктор сказал: «Бери. Пригодится». Он взял. Положил на колени. Автомат смотрел стволом в пол, как нашкодивший пёс.

Вокруг — новобранцы. Их было человек десять, не больше. Кто-то блевал в полиэтиленовый пакет — судорожно, с хрипом, и пахло от этого кислым, тошнотворным. Кто-то шевелил губами, глядя в потолок, — молился, шептал, и пальцы его перебирали воображаемые чётки. Кто-то просто смотрел в одну точку, не мигая, будто уже умер, а тело всё ещё дышало.

Макс сжал термос крепче. Пальцы побелели на костяшках — он заметил это краем глаза, но не разжал. Руки не дрожали. Пока.

За бортом, в щель между бронелистами, открывалась Лента — не вся сразу, а кусками, обрывками: остовы техники, перевёрнутые, с чёрными подпалинами; воронки, полные мутной, цвета ржавчины воды; бетонные блоки, сколотые, вмятые в землю, как старые, гнилые зубы. Запах просачивался даже через выхлоп — горелый металл, гниющая плоть, сырая, прелая земля. Запах, который не выветривается, который въедается в одежду, в кожу, в самую память, до старости.

На обочине промелькнул сгоревший грузовик с красным крестом. Крест был обгоревшим, почти неразличимым, и Макс отвёл взгляд. Но метка уже легла — глубоко, под рёбра.

Сосед, молодой, прыщавый, с трясущимися руками, потянул его за рукав:

— Слышь... ты медик? Говорят, тут половина до первого боя не доживает. Это правда?

Макс не обернулся.

— Я только приехал. Откуда я знаю.

— А ты боишься?

Макс посмотрел на термос.

— Боюсь.

— А чего тогда едешь?

Макс перевёл взгляд на щель между бронелистами — серое небо, чёрный дым, полосатая земля.

— Потому что там, откуда я, тоже убивают. Только тихо.

БТР дёрнулся, заскрежетал тормозами, встал. Лязгнула дверь — и снаружи, сквозь гул остывающего двигателя, прорезался крик:

— Выгружайсь! Медперсонал — к школе!

Макс выпрыгнул. Ноги подкосились — земля не тряслась, и тело ещё не привыкло к неподвижности. Он огляделся: перед ним была «школа». Трёхэтажный остов из красного кирпича, обложенный мешками с песком — мешки серые, в подтёках, кое-где прорванные, из них сыпался песок, смешиваясь с грязью. Стёкол не было — чёрные провалы окон смотрели слепо, равнодушно. Пятна копоти над каждым проёмом — как слёзы, застывшие на кирпиче. Над входом, криво прибитый, висел выцветший плакат: «С новым учебным годом!» Плакат пожелтел, края обгорели, буквы выцвели, и казалось — издевательство, злая насмешка.

Рядом с крыльцом — носилки с телом, накрытым плащ-палаткой. Из-под палатки торчала кисть. Рука в бинтах — бинты чистые, белые, хирургические, не тронутые кровью. Макс прошёл мимо. Не остановился. Потому что если остановится — не сможет зайти.

Внутри запах ударил мгновенно — мокрой тряпкой по лицу, липкой, удушающей. Кровь — сладковатый, железный дух. Пот — кислый, едкий. Антисептик — спиртовой, бьющий в нос. Гной — тяжёлый, сладкий, гнилостный. Всё это смешивалось, переплеталось, густело — и дышать этим было всё равно что глотать жидкую грязь.

Коридор. Раненые на носилках прямо на полу. Тесно, вплотную. Кто-то стонал — скулил, как побитая собака. Кто-то молча смотрел в потолок — глаза открытые, сухие, не мигающие. Кто-то уже не дышал — просто ещё не убрали, и носилки стояли у стены, а рядом деловито проходили санитары, не замечая, или делая вид, что не замечают.

Макс шёл — не глядя по сторонам, потому что если бы посмотрел, то увидел бы слишком много. Медик в заляпанном фартуке стоял на коленях в луже крови и зашивал рану на ноге — на бедре, выше колена, и игла входила в мясо с маслянистым, чавкающим звуком. Девушка — совсем молодая, с выбившейся из-под косынки рыжей прядью — держала капельницу над бойцом, а другой рукой писала в планшете, и лицо её было спокойным, почти мёртвым. Санитар тащил окровавленный жгут в ведро — жгут был тяжёлым, мокрым, и с него капало.

Из глубины — крик, хриплый, отчаянный:

— Мне нужны руки! Любые! Хоть чьи!

Макс шагнул туда, откуда кричали.

Красная зона оказалась бывшим спортзалом — баскетбольное кольцо ещё висело на стене, кривое, с обрывком сетки. На полу, на грязном матрасе, распластали парня. Молодого. Лет двадцати. Лицо белое, восковое, глаза открыты, зрачки расширены — шок, глубокий. Он не кричал. Он смотрел на свои ноги. Вернее, на то, что от них осталось.

Хирург — мужик лет пятидесяти, в залитом фартуке, с красными по локоть перчатками — уже взялся за ножовку. Не хирургическую пилу, не осциллятор — обычную, слесарную, с жёлтой рукояткой, обмотанной синей изолентой. Кровь текла по лезвию, капала на пол, смешиваясь с опилками и пылью.

— Держи его, — сказал хирург Макс. — Крепко. У нас наркоза нет.

Макс опустился на колени, обхватил парня за плечи, прижал к груди. Тот дёрнулся, когда хирург приставил полотно к бедру — чуть выше колена, там, где мясо ещё целое, кость торчит осколком наружу.

— Закуси, — Макс сунул парню ремень — тот сжал зубы, но не укусил, просто замер.

Первый удар ножовкой. Звук — не тот, что в кино. Не металлический звон. Мокрый хруст, будто ломают сырую ветку, но с чавканьем. Кость поддалась не сразу. Полотно застряло, хирург вытащил его, сплюнул на пол, поправил хват.

— Держи, мать твою, — рявкнул он не на Макса — на парня, который забился, застонал сквозь ремень.

Второй удар. Брызнуло. Осколки кости попали Макс.у на щёку — тёплые, острые. Он не смахнул. Третий удар — нога отделилась. Хирург отбросил её в сторону, в таз, где уже лежали окровавленные бинты. Парень не кричал — он выл, низко, по-звериному, и с каждым вздохом из культуры хлестала кровь — не ровно, толчками, как из насоса. Макс автоматически наложил жгут выше, затянул, пережал.

— Вторая, — сказал хирург, не глядя.

Ножовка вошла в левую ногу. Парень вдруг выгнулся, выдохнул — и обмяк. Глаза остались открыты, но в них погасло то, что ещё секунду назад горело безумным огнём. Сознание ушло. Хорошо.

Хирург пилил ровно, не торопясь, только когда полотно заедало — ругался матом, с маху выдёргивал, вгонял заново. Вторая нога отделилась быстрее. Культы торчали ровными обрубками, кость блестела на срезе, желтоватая, губчатая внутри — как старая, трухлявая древесина.

— Тампон! — крикнул хирург, и Макс, не думая, сунул руку в таз, нашарил марлю, передал. Тот запихал тампоны в раны, сверху — бинты, туго, внатяг. Парень не шевелился. Дышал — ровно, поверхностно, как спящий.

— Готов. Следующий, — хирург вытер лицо плечом, повернулся к соседним носилкам.

Макс поднялся. На штанах — кровь. На руках — кровь. На губах — привкус железа и соли. Он вытер лицо ладонью и почувствовал, как осколки кости царапают щёку. Смахнул. Встал.

— Руки, — повторил он про себя. — Ещё нужны руки.

«Здесь нет сортировки, — стучало в голове, ровно, будто метроном. — Есть мясорубка. Но мясорубку можно наладить. Можно. Если не думать. Просто работать. Просто лечить того, кто перед тобой».

Из операционной — бывшего спортзала, отгороженного грязными простынями — вышла женщина. Фартук на ней был заляпан свежей кровью — алым, блестящим, ещё не засохшим. Она стянула перчатки — с оттягом, по одному пальцу — бросила в ведро, рядом с окровавленным жгутом. Потом подняла глаза.

Серые, с тёмными кругами — так, будто не спала неделю. Но взгляд — острый, цепкий, оценивающий. Усталое лицо, но не сломанное. Она оглядела Макса с ног до головы — задержалась на руках, потом на глазах.

— Ты новенький? — Голос низкий, хриловатый, как у курящей женщины. — За мной. У нас двадцать минут до следующего подвоза. Научу, как не сдохнуть.

Она вела его сквозь ад — быстро, не оглядываясь, и Макс едва поспевал. На ходу, не сбавляя шага, выдавала инструктаж — рублеными фразами, как автоматной очередью:

— Красный — на стол. Жёлтый — в коридор. Зелёный — к стене. Чёрный — во двор. Не спасай безнадежных — потеряешь время и тех, кто выживет. Плакать будешь потом. Или не будешь. Работай. Вопросы?

Макс запоминал зоны: красная — за простынями, там работали хирурги. Жёлтая — коридор, прямо здесь, на полу, стабилизация. Зелёная — дальний угол, те, кто может ждать. Чёрная — выход во двор, туда, где штабелями лежали тела, накрытые плащ-палатками.

Санитары слушались её беспрекословно. Она сказала — они сделали, не переспрашивая, не раздумывая.

— Как отличить красного от чёрного, если он ещё дышит?

Она остановилась. Повернулась. Смерила его взглядом — долгим, тяжёлым.

— По глазам. У чёрного глаза уже мёртвые. Даже если дышит. Ты поймёшь. Если не поймёшь — учись. У тебя три дня.

Она вручила ему планшет — старый, потёртый, с треснувшим экраном.

— Здесь карточки. Заполняй каждому. Имя, группа крови, характер ранения, код сортировки. В конце смены сдашь. Не теряй — за планшет штраф.

Макс взял. Пролистал. Графы: К, Ж, З, Ч. И ещё одна — буква, которой он не знал.

Ω.

— Что это?

Она уже уходила, но услышала. Не обернулась.

— Не лезь. Это не наша графа.

Подвоз.

Грузовик — обшарпанный, с пробитыми бортами — затормозил у крыльца, и из него посыпались носилки. Не аккуратно — как дрова, одно на другое. Крики, мат, стоны — всё слилось в сплошной, нечленораздельный вой.

Кровь потекла по полу сразу — в три ручья, смешиваясь с грязью, с растоптанными бинтами, с осколками кирпичной крошки.

Макс работал. Жгут — на бедро, выше раны, туго, до хруста. Тампон — в открытую брюшную полость, прижать, удержать, не дать кишкам выпасть. Трубка — в трахею, нащупать хрящи, не промахнуться. Следующий.

Руки двигались на автомате — навык, отточенный годами на «скорой», но здесь, в этой мясорубке, он работал быстрее, жёстче, безжалостнее к себе. Пальцы находили артерии — пульсирующие, тугие. Зажимы щёлкали, перекрывая поток. Тампоны входили в раны, впитывая тёплую, липкую кровь.

— Следующий!

Макс поднял глаза на секунду — вдохнуть, выдохнуть. Увидел Натали в другом конце зала. Она делала то же самое — но успевала ещё и говорить. Не команды — слова. Одному, молодому, с перебитой ключицей: «Тихо, тихо, это просто царапина, зашьём — бегать будешь». Другому, старому, умирающему, взяла за руку — чумазую, в грязи и крови: «Я здесь. Слышишь? Я здесь».

Старик умирал — хрипел, захлёбывался, и она держала его за руку, не отпускала, пока зрачки не застыли. Потом аккуратно положила кисть на грудь, поправила одеяло и перешла к следующему.

Макс отвернулся. Внутри что-то сдвинулось — не боль, не страх, что-то другое, тёплое, живое.

«Она не выключилась. Она работает — и остаётся человеком. Как она это делает?»

Он оформлял очередного раненого — писал в планшете, выводил буквы дрожащей рукой. Планшет выхватила Натали, глянула на экран, нахмурилась:

— Не «Омега». Этот — зелёный. Отправляй в общую.

Макс поднял глаза.

— Что такое «Омега»?

Она замерла на секунду — на одну, короткую, как выдох.

— Не лезь. Это не наша графа.

Захлопнула планшет. Ушла.

Затишье.

Оно пришло внезапно — будто кто-то нажал паузу. Раненых больше не привозили, санитары уносили мёртвых, медсёстры меняли капельницы.

Макс вытер руки о штаны — они были красными, в крови, в жире, в какой-то серой слизи, которую он не хотел идентифицировать. Смотрел на планшет — на графу «Код Ω». Пролистал статистику: за сегодня — двенадцать «омег». Все — тяжёлые, стабилизированные.

Он прошёл к отдельному боксу — бывшая учительская, дверь закрыта. Заглянул в щель между дверью и косяком. Носилки. Тихо. Чисто. Отдельный пост. Санитар у входа — молодой, с пустым, вымороженным лицом — преградил путь:

— Закрытая зона. Только по допуску.

Макс отступил. Но увидел, как одного из «омег» грузят в чёрный фургон — без опознавательных знаков, без номеров, глухие стёкла, никаких крестов. Не в общую эвакуацию. Отдельно.

Натали перехватила его взгляд.

— Сказала же — не лезь. Хочешь здесь остаться — работай. Не хочешь — пиши рапорт и вали в тыл.

Макс проводил взглядом фургон. Тот выехал за ворота — мягко, бесшумно, будто крался.

— Я не лезу. Я смотрю. Ты же сама учила: отличать по глазам.

Она усмехнулась — без веселья, одними губами.

— У «омег» нет глаз. У них есть коды. И те, кто эти коды ставят, не любят, когда в них смотрят. Так что работай, Макс. Просто работай.

Она впервые назвала его по имени. Он не знал — хорошо это или плохо.

Планшет издал сигнал — короткий, резкий, как укол.

Макс открыл спутниковую сводку погоды. «Внимание: град прогнозируется в секторах 5-8. Вероятность 95%. Время начала — 18:30».

Сектор 7 — их медпункт.

Макс посмотрел на часы: 18:15.

Вышел на крыльцо. Небо было зеленоватым — того особого, больного оттенка, как перед первой атакой, перед смертью Валентины Петровны. Внутри похолодело — засосало под ложечкой, сдавило горло.

Он достал сигарету. Руки не дрожали. Но тело чувало — что-то не так.

«Град, который предсказан с точностью до минуты и сектора. Это не погода. Это — расписание».

Рядом, на ступеньках, сидел пожилой фельдшер — тот самый, с трясущимися руками. Он закурил, кивнул небу:

— Опять эта хрень. У нас тут град через день. Привыкай. Говорят, климат сошёл с ума.

Макс молчал.

— А после града — налёты? — спросил он, не глядя на фельдшера.

Тот прищурился:

— С чего ты взял?

— Я считал. В сводках за последнюю неделю. Град — потом дроны. Град — потом дроны. Совпадение?

Фельдшер долго молчал — докурил, затушил о перила, поднялся.

— Ты, парень, слишком умный. Здесь умные долго не живут. Запомни: град — это просто град. Дроны — это просто дроны. А ты — просто медик. Понял?

Ушёл, не оборачиваясь.

Макс остался один.

Ровно в 18:30 начался град.

Мелкий, редкий — не такой, как тогда, на Тополиной. Но Макс уже знал: за этим придёт удар.

Он пошёл к боксу «Омега». Там была суета — санитары сновали, фургон стоял у входа, двигатель работал на холостых. Загружали последнего — того самого, которого Макс видел через щель. Носилки скользнули внутрь, дверь захлопнулась.

Макс подошёл к водителю — мужику с обветренным лицом, в куртке без знаков различия.

— Куда их?

Водитель не повернул головы.

— В тыл. Спецборт. Не задерживай.

Макс глянул в планшет — маршрут, проложенный для этого фургона, выводил не на «тыл», а на точку «Z-0». Такой точки не было в реестре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.